

Пэй Чан взглянул на часы и поднялся из-за стола, собираясь уходить.

— Впредь отменяйте любые встречи, назначенные после пяти вечера. Независимо от того, кто зовет.

— Слушаюсь.

Сказать, что они привыкли к этому после первоначального шока... Нет, конечно. Но помощник Сунь и ассистент Цзинь по крайней мере научились сохранять полную невозмутимость.

В дверях нерешительно застыла секретарь. Поколебавшись мгновение, она все же тихо произнесла:

— Господин генеральный директор, внизу господин Чжэн. Просит о встрече.

Пэй Чан ответил равнодушно, даже не повернув головы:

— Я занят.

— Это господин Чжэн Юйцин.

Пэй Чан замер на полушаге. В его глазах на мгновение промелькнула тень сложных, противоречивых чувств.

Спустя несколько секунд он негромко обронил:

— Пусть войдет.

— Сию минуту, — торопливо кивнула секретарь.

Помощник Сунь и ассистент Цзинь, проявив чуткость, поспешили откланяться и покинули кабинет.

— Господин генеральный директор.

За дверью раздался насмешливый голос. Чжэн Юйцин не отличался излишней церемонностью и уж тем более никогда не пытался подстроиться под настроение Пэй Чана. Бесцеремонно войдя в кабинет, он закинул ногу на ногу и развалился на диване.

— Слышал, наш суровый генеральный директор Пэй в последнее время разительно

переменился. Уж не завел ли ты в своем золотом гнездышке прекрасную наложницу, из-за которой совсем позабыл о делах мирских?

Чжэн Юйцинъ вдруг осекся, заметив седину в волосах Пэй Чана. Однако взгляд его почти сразу соскользнул ниже, к багровому засосу на шее, и губы гостя вновь искривились в двусмысленной, понимающей улыбке.

Пэй Чан не собирался терпеть эту ядовитую иронию.

— К чему этот фарс? Говори, зачем пришел.

— Ну куда мне, простому смертному, раздавать советы? — Чжэн Юйцинъ опустил глаза и негромко хмыкнул. — Заглянул засвидетельствовать свое почтение господину генеральному директору, только и всего.

Пэй Чан молча смерил его холодным взглядом.

Их отношения были простыми и одновременно невероятно запутанными. Но они определенно не принадлежали к числу тех людей, которые могут изливать друг другу душу за чашкой чая. Пэй Чан никогда не считал Чжэн Юйцинъ другом, да и тот, без сомнения, платил ему взаимностью.

Единственным связующим звеном между ними был Цинь Ихэ.

В глубине души Чжэн Юйцинъ ненавидел его. И не мог не ненавидеть. Если бы не глупые амбиции Пэй Чана, Цинь Ихэ не исчез бы тогда бесследно.

Даже если Чжэн Юйцинъ годами убеждал себя, будто Цинь Ихэ жив, здоров и обустроился в каком-нибудь тихом уголке, где никто его не потревожит... Десять лет. Десять долгих лет без единой весточки сокрушат любую надежду, какой бы сильной она ни была.

Чжэн Юйцинъ и Цинь Ихэ были одиночками в этом огромном мире — без семьи, без дома, без корней. И теперь, оставшись единственным человеком, хоть как-то связанным с исчезнувшим юношей, Чжэн Юйцинъ невольно цеплялся за свою вражду к Пэй Чану. Время стерло былую ярость, превратив ненависть в странную, болезненную привязанность.

Он вовсе не желал Пэй Чану прожить остаток дней в беспросветном одиночестве, медленно сходя с ума в пустом доме. Но когда до него дошли слухи, что рядом с Пэй Чаном появился кто-то другой, старые обиды и упрямая ревность к прошлому вспыхнули с новой силой.

— Цинь Ихэ... — Пэй Чан шевельнул губами.

При звуках этого имени Чжэн Юйцинь заметно вздрогнул.

Долгие годы они обходили его стороной. Чжэн Юйцинь не желал произносить его вслух, а Пэй Чан просто не смел.

Но за последние недели эти три слога, которые Пэй Чан повторял день и ночь, словно спасительную молитву, перестали отзываться в груди острой, невыносимой мукой. Теперь они рождали лишь глубокую, светлую грусть.

Пэй Чан сделал медленный вдох и, глядя прямо перед собой, негромко, но твердо произнес:

— В моей жизни есть и будет только один человек. Только Цинь Ихэ.

Насмешливая маска окончательно сползла с лица Чжэн Юйциня. Глаза за стеклами очков смотрели холодно и серьезно.

Гордый, высокомерный Пэй Чан никогда не стал бы лгать в таких вещах. Он презирал притворство и слишком ценил собственное достоинство, чтобы размениваться на фальшивые чувства.

Чжэн Юйцинь всматривался в него несколько секунд, а затем мысленно горько рассмеялся над самим собой. Явиться сюда ради нелепых разборок... Глупость какая.

Он отвел взгляд и поправил очки на переносице:

— Менеджер Пэй в последнее время повадился бегать в больницу к председателю. И бог его знает, что там проснулось — внезапная сыновняя почтительность или банальная жадность.

Бросив это завуалированное предупреждение, Чжэн Юйцинь поднялся с дивана.

Пэй Чан проводил его взглядом. Годы неумолимы — широкие плечи Чжэн Юйциня больше не напоминали о том резком, колючем подростке, каким он когда-то был.

— Спасибо, — негромко произнес Пэй Чан ему в спину.

Чжэн Юйцинь даже не замедлил шаг. Не оборачиваясь, он просто вышел вон, бесшумно прикрыв за собой дверь кабинета.

Все слухи о поведении Пэй Чана за последнее время усердно передавались старейшине Пэю

через его верного соглядатая, менеджера Пэя. Назвать это «разочарованием» со стороны старика было бы слишком мягко — подобное самодурство и пренебрежение долгом он счел непростительным падением.

Угасающий с каждым днем председатель прекрасно понимал, что сам уже никогда не вернется к штурвалу Корпорации Пэй, но и оставлять дело всей жизни в руках внука, которого теперь считал никчемным слабаком, он не желал.

На экране телефона высветилось текстовое сообщение:

[Менеджер Пэй: «Господин генеральный директор, председатель передал... Он готов закрыть глаза на вашу несостоятельность, при условии, что вы в кратчайшие сроки обзаведетесь наследником...»]

Набирая эти строки, менеджер Пэй наверняка дрожал от страха.

Здоровье старейшины Пэя висело на волоске. Узнав о «грехопадении» единственного наследника, старик пришел в такую ярость, что зашелся кашлем и выплюнул кровь. Этот приступ словно унес последние жизненные силы: председатель осунулся, окончательно сдал, а тусклый взгляд подернулся пеленой скорой смерти.

Но упрямство и гордыня старого деспота граничили с безумием. Он отрекся от внука так же легко и безжалостно, как когда-то вычеркнул из жизни его отца, господина Пэя. Теперь его фанатичный взор обратился на следующее поколение. Старик свято верил, что сможет вырастить идеального преемника с пеленок, воспитав его в строгом соответствии со своими стандартами.

Старейшина Пэй окончательно лишился рассудка на почве контроля.

[Менеджер Пэй: «Через три дня состоится банкет в Императорском саду. Председатель требует вашего обязательного присутствия».]

Суть приказа была ясна без лишних слов: явиться на званый ужин и выбрать «подходящую» женщину, способную выносить ребенка нужной крови.

Со спины потянулись длинные руки, осторожно оббивая талию Пэй Чана. Тот заблокировал экран телефона и, полуобернувшись, мягко улыбнулся:

— Что такое?

На письменном столе лежали листы бумаги, исписанные неровным, почти детским почерком. На каждом листе красовалось одно и то же имя — «Пэй Чан».

В глазах Пэй Чана блеснули непрошенные слезы, но голос прозвучал удивительно нежно:

— Очень красиво. Точно так же, как и раньше.

Он поудобнее устроился в объятиях Цинь Ихэ и добавил:

— Давай я покажу тебе, как писать дальше.

Пэй Чан позволил обхватить свою ладонь крупными, прохладными пальцами. Направляя руку мужчины, он вывел рядом со своим именем три других слова — «Цинь Ихэ».

Каждая черточка, каждый изгиб в точности повторяли прежний почерк юноши. Только сам Пэй Чан знал, сколько сотен ручек он извел за годы разлуки, до боли в пальцах выводя это имя, пока его собственный почерк не слился с почерком любимого.

Сейчас Пэй Чан выглядел совершенно спокойным. На его лице не осталось и следа той мучительной, выжигающей душу тоски, с которой он когда-то зализывал раны в кромешной темноте одиночества.

В свое время Пэй Чан невольно перенял привычки и суть Цинь Ихэ, чтобы выжить. Теперь настала его очередь вернуть Цинь Ихэ самому себе.

Невесомый поцелуй коснулся макушки Пэй Чана.

Объятия на его талии сомкнулись крепче. За спиной раздалось тяжелое, прерывистое дыхание; горячая, обнаженная грудь Цинь Ихэ тесно прижалась к его спине. К щекам Пэй Чана мгновенно прилил жар, а дыхание сбилось.

Ощущение чужого тела, властно и требовательно притиравшегося к пояснице, отозвалось во всем теле резким разрядом, словно от электрического тока.

Ноги Пэй Чана подкосились.

Пальцы сами собой разжались, выронив ручку. Со слабым вздохом он опустился грудью на гладкую поверхность стола. Пальцы судорожно вцепились в исписанные листы бумаги.

— Я... я теперь хорошо ем, честно, — прошептал он, стараясь унять дрожь в голосе.

Прохладная ладонь скользнула под ткань рубашки, которую он так и не успел сменить после работы, и бесцеремонно стянула ее к самым лопаткам.

Тонкая, изящная талия Пэй Чана мелко вздрагивала при каждом вдохе. В мягком свете лампы его кожа казалась фарфоровой, светящейся изнутри.

Он почувствовал, как острые ногти Цинь Ихэ медленно, с легким нажимом очерчивают контуры его позвоночника. Это прикосновение — на грани ласки и смертельной опасности — заставило Пэй Чана закусить губу, чтобы не вскрикнуть.

Этот безмолвный жест говорил красноречивее любых слов.

«Слишком худой».

«Нужно лучше питаться. Больше спать».

Пэй Чан хрипло дышал. Невыносимое, острое томление кружило голову; бедра невольно вздрагивали от тесного соприкосновения с телом мужчины.

О боги, как же он скучал.

Этого близкого, почти болезненного давления изнутри и снаружи ему было мало. Жажда обладания была настолько неистовой, словно под кожей копошились тысячи жадных насекомых, пожирая его изнутри. Десять лет беспросветного одиночества выжгли в его душе зияющую пустоту, которую ничем невозможно было заполнить.

Даже сейчас, чувствуя вес чужого тела на своей спине, он порой замирал в ужасе, боясь, что этот долгожданный подарок судьбы окажется лишь жестоким миражом, сном, который растает с первыми лучами солнца.

Спасти его, унять эту сводящую с ума внутреннюю дрожь мог только один человек. Только Цинь Ихэ.

Задыхаясь от переполнявших его чувств, Пэй Чан попытался дотянуться назад, обнять мужчину за шею, но пальцы лишь запутались в густых шелковистых волосах.

Прижатый к столу, он изнывал от щемящей, опустошающей жажды.

— Цинь Ихэ... мне плохо... — сорвался с его губ прерывистый, жалобный стон.

Это сладкое мучение было почти невыносимым.

В следующий миг Пэй Чан ощутил прохладу воздуха на бедрах. Большие, ледяные ладони скользнули по его разгоряченной коже, заставляя содрогнуться от резкого температурного

контраста.

Его затрясло. В этой лихорадке смешались страх и предвкушение, безумное вожделение и трепет. Эмоции, готовые разорвать грудную клетку, заставили его пальцы побелеть от напряжения, тогда как кожа вспыхнула ярким, лихорадочным румянцем.

Длинные пряди черных волос скользнули по его шее, щекоча щеку. Огромная фигура Цинь Ихэ полностью накрыла его сверху, отрезая от остального мира.

Теряя остатки самообладания, Пэй Чан ловил губами воздух, испуская горячие вздохи.

Когда колени его окончательно подогнулись, сильная ладонь властно перехватила его бедра, заставляя плотно свести ноги вместе.

Пэй Чан уронил голову на сложенные руки. Из его горла вырвался тихий, сдавленный стон, и в то же мгновение он всем телом подался навстречу этому движению.

Чжэн Юйцинью терпеть не мог современные элитные высотки. Ирония судьбы: всю сознательную жизнь он стремился к колоссальному богатству, но его израненная психика страдала от странного, неизлечимого недуга.

Он физически не мог уснуть нигде, кроме обшарпанных комнат в старых, полузаброшенных спальных кварталах.

Но сегодня даже проверенное временем убежище не принесло покоя. Чжэн Юйцинью уже битый час стоял на балконе своего скромного жилища, ловя лицом прохладный ночной ветер.

Внизу тускло моргал старый уличный фонарь. Ветер забирался под распахнутый ворот рубашки, безжалостно трепал сигаретный дым, унося серые хлопья в темноту.

Без привычных очков его глаза казались непривычно незащитными. В их темной глубине отражались редкие городские огни, скрывая за собой бурю невысказанных чувств.

Внезапный стук в дверь нарушил ночную тишину.

Чжэн Юйцинью медленно повернул голову и затушил окурок о влажную землю в цветочном горшке.

— Вам доставка. Курьерская служба.

На упаковочной ленте значилось имя отправителя: Пэй Чан. Чжэн Юйцинъ недоуменно нахмурился. С какой стати этому высокомерному снобу приспичило присылать ему посылку посреди ночи? Неужели почуял, что у него бессонница?

Он скептически хмыкнул, устроился на диване и вскрыл плотную обертку.

Внутри лежал всего лишь измятый клочок бумаги.

— Хм.

Брезгливо поморщившись, он аккуратно разгладил лист пальцами. Но стоило ему пробежать глазами по строчкам, как пальцы замерли. Глаза расширились, а плечи мелко задрожали от беззвучного, хриплого смеха.

— «Чжэн Юйцинъ, у меня все хорошо».

Этот смех постепенно угас, сменившись тяжелым вздохом. Он опустил голову и спрятал лицо в ладонях, чувствуя, как мелко дрожат пальцы.

Этой ночью он точно больше не уснет.

<http://bllate.org/book/20309/2149239>